

УДК 394.268.7(479)

КУЛЬТ ВОЛКА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л. К. Текеева

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева, 369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
lar-tek@yandex.ru

Исследуется культ волка в традиционном мировоззрении карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев. Обращается внимание на то, что среди тотемических и зоолатрических культов тюркоязычных народов Северного Кавказа волк занимает особое место и является наиболее почитаемым животным. Делается вывод о том, что следы почитания этого животного и его социальной значимости и сегодня сохраняются в традиционных верованиях и эпической традиции тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: тотемизм, религиозные верования, фольклор, мифология, культ волка.

Поклонение животным возникло на ранних стадиях исторического развития и восходит к тотемизму. Само слово «тотем» (алгоникского происхождения) впервые попало в европейскую научную литературу в конце XVIII в. (Дж. Лонг, 1791) [Токарев, 1990, с. 51]. А к началу XX в. было накоплено столько фактического материала, относящегося к этой форме верований, что вполне оправданно было появление в 1910г. большого четырехтомного труда Дж. Фрезера «Тотемизм и экзогамия» [Frazer, 1910, р. 1–7]. Согласно определению Фрезера, тотемизм означает «предполагаемую близкую связь между группой кровных родственников, с одной стороны, и каким-то видом природных или искусственных объектов, с другой стороны, каковые объекты называются тотемами данной группы людей» [Frazer, 1910, р. 1–7]. В основе тотемизма лежит вера в происхождение человека от тотемного животного, растения или даже неодушевленного предмета.

Тотемизм имеет два аспекта: это способ социального группирования и религиозная система верований и обычаев. Социальный аспект тотемизма состоит, по мнению Б. Малиновского, в подразделении племени на меньшие группы – кланы, генсы, сибы, фратрии. Как религия же тотемизм выражает интересы примитивного человека в его среде обитания – «желание заявить о своем родстве с наиболее важными объектами и стремление иметь власть над ними» [Малиновский, 1998, с.22].

Весь мир в сознании людей поделен как бы на две части: священную (сакральную) и профанную (мирскую). Поэтому часть животных, а иногда и растений, наделяется сверхъестественной силой, к помощи которой прибегают или, наоборот, вмешательства которой в обыденную жизнь опасаются. По мере развития человеческого общества религиозные верования, касающиеся различных представителей животного мира видоизменялись, приспосабливаясь к условиям жизни.

Говоря о тотемистических воззрениях тюркоязычных народов Северного Кавказа, следует помнить об их сложном историческом прошлом. Так, формирование этих этносов, в частности, карачаевцев и балкарцев, происходило в пределах нескольких (как минимум двух) экологических ниш. Имеется в виду степной элемент и экология горного ландшафта. Данное обстоятельство существенно отразилось как на тотемистических воззрениях, так и на домонотеистических верованиях изучаемых этносов.

Культ животных у тюркоязычных народов Северного Кавказа сложился в религиозную систему на ранних этапах формирования и развития этноса. При этом древнейшие тотемистические пласты почитания сохранились лишь в пережитках. Поэтому сложно выделить все признаки, присущие этой форме ранних верований (тотемные имена родов, пищевые запреты, связанные с тем или иным животным, с одной стороны, и с родовой группой – с другой; вера в превращение человека в животное и в происхождение человека от животного; специфические формы поклонения животным, имена которых носят определенные роды). На наш взгляд, опрометчиво часто встречающееся в краеведческой литературе мнение о том, что любые следы почитания животных у тюркоязычных народов Северного Кавказа связаны с пережитками тотемизма. Основные поверья тюркоязычных народов Северного Кавказа можно определить как более развитую форму культа живот-

ных – зоолатрию или теротеизм (буквально поклонение зверям), так как на дальнейшее развитие почитания животных оказали влияние промысловый культ, становление скотоводства и сопутствующих ему культов, а также наличие суеверного страха перед основными животными (хищниками, змеями). Следы тотемизма, промыслового культа и страха перед животными настолько переплелись в культово-обрядовой практике тюркоязычных народов Северного Кавказа, что их трудно отделить друг от друга.

Среди тотемических и зоолатрических культов тюркоязычных народов Северного Кавказа волк занимает особое место и является наиболее почитаемым животным. Подобное отношение к этому животному характерно для многих народов Северного Кавказа. Его образ наделяется сверхъестественными качествами. Волк, волчья стая олицетворяли единство и всеведение. Позже, уже в эпоху средневековья, появилось понятие оборотничества, именуемое ликантропией (от имени акадского царя Ликаона, превращенного богами в волка за свою жестокость) [Калмыкова, 2001, с. 193].

Тема человека-волка представлена в самых разных традициях, так как у многих народов он считался священным животным. Тюркоязычные народы Северного Кавказа наделяли его сверхъестественными свойствами. У горцев существовал обычай давать съесть ребенку сердце или печень волка, чтобы ребенок рос сильным и отважным. Человеку, подозреваемому в воровстве, давали в руки зажженную волчью жилу или заставляли его перепрыгивать через нее, полагая, что, если подозрения обоснованы, у вора начнутся корчи, он распухнет и умрет. Когда подозреваемый отрицал факт воровства, а возможности проверить его не было, говорили: «*Колунга беру сингир берге эдим*» («Дать бы тебе в руки волчью жилу») – настолько велика была вера в магические свойства ее. Такой же обычай наказания воров путем сжигания волчьих жил бытовал у тюркоязычных народов Южной Сибири [Алексеев, 1992, с. 46].

Большого ребенка лечили протаскиванием под пастью или под шкурой волка. После этого к люльке подвешивали кусочек шкуры и косточку из волчьей пасти, просверленный волчий алчик; заплетали из волчьей шерсти косички и вместе с просверленной волчьей косточкой и когтями привязывали к перекладине колыбели. По народным воззрениям волк является злейшим врагом всякой нечистой силы, злых духов. В связи с этим интересно вспомнить эпизод из нартского эпоса, повествующий о встрече богатыря Ерюзмека с чертями, принявшими человеческий облик. Те приглашают нарта станцевать с их девушками, но просят его скинуть волчью шубу. Тот не соглашается. Страх чертей перед волком так велик, что бесовки взвизгивают, когда их касаются полы шубы [Нарты, 1994, с. 354].

Как рассказывают старики, волк сначала был в большой дружбе с человеком, но потом они раздружились. Тогда покровитель зверей Апсаты запросил у верховного бога Тейри разрешения взять волка пастухом своих стад. Тейри согласился, но волк, поддавшись хитрым уговорам лисы, перерезал часть стада Апсаты, и рассерженный бог прогнал его. «Но волки и сейчас приносят большую пользу. Если бы не они, бесы заполнили бы всю землю. Глаза волка не мигают, поэтому он единственный из живых существ видит чертей. Заметив рожающую чертовку, волк хватает бесенка, уносит его и съедает. Если в пустынном месте издалека доносится женский или детский плач – это значит, что волк ест чертенка. Поэтому черти боятся волков и в доме, где висит волчья шуба или шкура, не появляются. Повстречать в пути волка считалось доброй приметой, а встреча с зайцем была предвестником неудачи.

Наиболее древний мировоззренческий пласт сохранился в промысловом культе. Он продолжает бытовать и в период, когда основным занятием становится скотоводство. Этнографические материалы дают нам в основном информацию о том периоде, когда еще сохранялось совмещение охоты и скотоводства и охотник зачастую был еще и скотоводом, а скотовод, наоборот, по необходимости занимался охотничьим промыслом. Это совмещение привело к появлению охотничьескотоводческих верований, связанных с волком. Целью их признавали не только обеспечение удачи в охоте, но и сохранение своего скота и своего хозяйства от волка. Они в основном были результатом переосмысления охотничьих верований более ранних периодов и сохраняли их основные элементы.

Одним из таких элементов была табуация имени волка, бытовавшая в кочевой среде, хотя такие реликты можно обнаружить и в культурах других народов. Древним названием волка было *буд*. М. Джуртубаев считает, что *буд* – вариант общетюркского *бу*, *буз* «серый, сивый»; широко распро-

страненное имя *Бузджигит*, следовательно, означает «серый молодец», т.е. «молодец – волк, герой – волк» [Джуртубаев, 1991, с. 36]. На наш взгляд, табу на имя волка – это следствие и сакрализации образа животного. Волк покровительствовал охотникам и воинам, которые, отправляясь на охоту, возносили ему молитвы и приносили жертвы. Но в более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством и желанием для себя и своего скота избежать опасности, не накликав беду. У тюркоязычных народов Северного Кавказа существовало множество вариантов обряда завязывания волчьей пасти («берю аууз байлагъан»). Его исполняли, чтобы уберечь скот от нападения волков [Каракетов, 2000, с. 220].

Довольно широко образ волка представлен в различных играх, а также в обрядах и ритуалах. Ряженые в волка у западных и восточных славян появлялись во время колядования. У аварцев во время праздника первой борозды появлялся так называемый «шуточный волк», производящий определенные действия, целью которых было обеспечить плодородие земли.

Как подчеркивают информаторы, особенным почитанием пользовались животные с белой окраской. Культ белых животных был распространен у многих тюрских и кавказских народов. По древним представлениям тюрков царь любого вида животных обязательно должен иметь белую окраску.

У северокавказских народов сохранилась вера в оборотней – людей, способных превращаться в волков: вайнахи называли их «елбис», адыги – «удды», карачаевцы и балкарцы – «обур». Считалось, что оборотнем мог стать любой человек, нарушивший общественные и религиозные нормы. У карачаевцев и балкарцев были распространены поверья, связанные с превращением женщин в волчиц. Полагали, что если мужчина найдет и спрячет одежду женщины-оборотня, то она потеряет способность превращаться в волчицу.

В фольклоре тюрских народов, в том числе тюркоязычных народов Северного Кавказа, мир людей и мир волков существуют параллельно и в то же время взаимосвязанно. Порой они пересекаются, создавая прецеденты кровного или молочного родства людей и волков: иногда волки предстают в роли любовника героя или героини; довольно часто встречается сюжет о воспитании людей волками.

В одной из легенд говорится о рождении предков некоторых тюрских племен от «небесной волчицы». «Племя Ашина из рода Гунну (хуни) подверглось внезапному нашествию извне. Кроме мальчугана 10 лет, все племя погибло. Ребенка же с отсеченными руками и ногами оставляют в болоте, обрекая на медленную смерть. Там мальчика находит волчица и, залечивая его раны, спасает от мучительной смерти. Ребенок растет, становится юношей. Враги, узнав, что ребенок жив, намереваются снова захватить его и убить. Но волчица, перепрыгнув через Великую степь от запада к востоку, прижимая к своей груди юношу, второй раз спасает его от гибели. Затем, забравшись в пещеру, рождает десятерых детей. Один из них получает имя своего племени Ашина» [Безертинов, 2004, с. 138].

Внимание ученых привлекла другая легенда – о происхождении алтайских тюрков, в которой китайский историк передает версию о том, что племя *туг-ю*, жившее на Южном Алтае в 40-х гг. V в., происходит от племени *Со*, обитавшего к северу от Хунрез. Первоначально было 70 братьев. Старший из них, Нишду, родился от волчицы. [Гумилев, 2002, с. 25–26]. Нас удивляет такое поразительное совпадение данного мотива с легендой об основателях Рима Ромуле и Реме – сыновьях бога Марса и волчицы Сильвии. Подобное явление нельзя отнести к разряду случайных. Видимо оно объясняется контактами древнетюркских народов с европейскими.

В работах Н.Я. Бичурина приводятся еще несколько легенд, связанных с гуннами. У Шаньюя Хуну «родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи Шаньюя считали их богинями. Шаньюй решил, что люди недостойны его дочерей, и посвятил их небу. Он построил терем севернее столицы и поселил там своих дочерей со словами: "Молно небо принять их". Через 4 года около одинокого терема появился старый волк, вырыл себе нору и не уходил. Меньшая дочь сказала: "Наш родитель поселил нас здесь, желая предоставить небу, а ныне пришел волк: может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование...". Меньшая сестра... пошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство» [Байрамуков, 1993, с. 28].

Теперь обратимся к легенде, рассказанной М. Орузбиевым Ш. Ш. де Бессу. В легенде говорится, что у Византийского императора родилась дочь чрезвычайной красоты. Этот своенравный

монарх приказал воспитывать свою дочь в одиночестве на одном из островов Мраморного моря и запретил, чтобы к ней приближался мужчина. Впоследствии дочь императора забеременела от луча солнца и была изгнана [Адыги балкарцы и карачаевцы..., 1974, с. 331–333]. Нам кажется, что в легендах много общего. Разница лишь в том, что дочь Шаньюя (царя) зачала от Волка, а в карачаево-балкарском варианте дочь императора зачала от солнечного луча (света). Но У. Байрамуков считает (и мы присоединяемся к его мнению), что солнечный луч (свет) и волк – одно и то же. В гунно-тюркских легендах, например, их тотемное животное – Белый Волк – рождается от света, подобно-го солнечному лучу [Байрамуков, 1993, с. 2]

О рождении Чингиз-Хана говорится в монгольской хронике 1240 г. «Сокровенное сказание» следующее: «Алангова забеременела без мужа. Она заявила: "На меня спускается луч Солнца, от меня уходит Волк". Тогда решили удостовериться. Трое мужчин стали караулить у шатра Аланговы. Незадолго до рассвета они заметили, как с неба спустился белый блестящий свет... Через некоторое время он обернулся светлогривым Серым Волком» [Советская тюркология, 1978, с. 15]

Таким образом, можно провести уникальные параллели между тюркской легендой и фольклором тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Подчеркнем, что род «Ашин» означает «благородный волк». По-монгольски «Шоно» – тоже «волк», а приставка «а» является префиксом уважения [Гумилев, 200, с. 25]. Важно отметить, что легенды, в которых фигурируют волчицы, являются более древними, так как на раннем этапе развития общества произошло разъединение образа волка и образа волчицы. Последний был связан с материнским культом и культом земли, что нашло отражение в родословных легендах и запрете на убийство волчицы. Эти представления были характерны для эпохи матриархата и утратили свое значение с увеличением в обществе роли мужчины. В этот период образ волка становится символом мужского начала. Поэтому, когда тюрк хотел узнать, родился мальчик или девочка, он спрашивал: «Родился волк или лисица?» [Хангалов, 1958, с. 11–32].

У народов Кавказа, в том числе у тюркоязычных, в колыбельных мать обращалась к сыну со словами: «Ты – волк, лев и т.п.», а к дочери – иначе: «Ты моя ласточка, курочка». Ю.Ю. Карпов считает, что в самом имени, которое давали ребенку, закладывалась установка на поведенческие и моральные образцы, соответствующие «лицам конкретного пола» [Карпов, 1996, с. 309].

Находим подтверждение этому и в археологии. С.А. Плетнева утверждает, что волк был чисто мужским онгоном, а лиса – всегда женским. Она доказывает это тем, что обереги с клыками волка ни разу не были обнаружены в женских погребениях салтово-маяцкой культуры (хазары), хотя в слое Саркела они встречались сравнительно часто [Плетнева, 1986, с. 92]. Но говорить, что это представление исконно, нельзя, так как, видимо, в более ранние периоды эпитет «волчица» был присущ женской половине общества. Можно утверждать, что генеалогические легенды, где в роли прародителя выступает волк – самец, а не волчица, являются более поздними.

Увеличение роли мужчины в обществе кочевников было связано с развитием охоты и военного дела. С возникновением ранней государственности у кочевых народов этот символ вначале переходит в воинскую идеологию, а затем и в государственную символику. Волчья голова красовалась на знамени древних тюрков и вызывала страх и трепет у противников [Гумилев, 2002, с. 26]. В этот период образ волка, становится мужским символом, он связан с небом и небесными культурами.

В родословных преданиях волк неразрывно связан с соляным культом, и в генеалогических сказаниях правящих династий намечается тенденция перехода от волчьего культа к соляному. Таким образом, функция образа волка заключается не только в «рождении» рода или племени, но и в обеспечении сакральной связи с небом. Об этом говорит и наличие у карачаево-балкарцев «волчьего бога», который выступал покровителем воинов и охотников. Впрочем, и сам волк выполняет охранительные функции, он в большей степени покровитель, чем родоначальник. В то же время замена в преданиях волчьего происхождения небесным свидетельствует об упадке культа волка. Тем не менее все сказанное выводило волка из общего ряда представителей животного мира. Следы почитания этого животного и его социальной значимости сохраняются в традиционных верованиях и эпической традиции тюркоязычных народов Северного Кавказа. Волк и сегодня остается самым почитаемым животным у указанных этносов.

На данном этапе исследования трудно отличить генетические взаимосвязи от типологических, но, не отрицая возможности заимствований, учитывая фактор переселения и смешения народов, существование общего древнетюркского этнического субстрата карачаевцев, балкарцев, кумы-

ков и ногайцев, о чем свидетельствуют фольклорное сознание, мифы, генеалогические предания, литературные, фольклорные и археологические памятники современных тюркских народов, можно сделать выводы о том, что культ волка был унаследован тюркоязычными этносами Северного Кавказа от их древних предков, а не заимствован у соседних народов.

Библиографический список

- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1992.
Байрамукоев У. З. Кладезь народной памяти. Анализ легенд в поисках истока. Черкесск, 1993.
Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Казань, 2004.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2002.
Джуртубаев М.Ч. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
Калмыкова Л. В. Образ волка в индоевропейской и Северо-Кавказской традиции // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: матер. всерос. науч. конф. М.; Ставрополь, 2001. Ч. 2.
Каракетов М. Д. Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М., 2000.
Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.
Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.
Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.
Советская тюркология. 1978. № 6.
Токарев С.А. Ранние формы религий. Москва, 1990.
Хангалов М. Н., Заэтэ А. Облава на зверей древних бурят // Хангалов Д. Н. Собр. соч. Улан-Уде, 1958. Т. 1.
Frazer J.G Totemism and Exogamy. London, 1910.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.10.2012

THE CULT OF WOLF IN TRADITIONAL CONCEPTS OF TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS

L. K. Tekeeva

U.D. Aliev state University of Karachai-Circas, Lenin st., 29, 369202, Karachaevesk, Russia
lar-tek@yandex.ru

The article deals with the cult of wolf in traditional world views of the Karachays, the Balkars, the Kumyks and the Nogais. The author draws attention to the fact that wolf has a special place and is the most revered animal among the totemic cults of the Turkic peoples of the Northern Caucasus. It is concluded that the traces of that animal's veneration and its social significance are preserved today in traditional beliefs and epic traditions of the Turkic peoples of the Northern Caucasus.

Key words: totemism, religious beliefs, folklore, mythology, the cult of wolf.

References

- Adygi, balkartsy i karachaevttsy v izvestiyakh evropejskikh avtorov XIII-XIX vv. Nal'chik, 1974.
Alekseev N. A. Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri. Novosibirsk, 1992.
Bajramukov U. Z. Kladez' narodnoj pamyati. Analiz legend v poiskakh istoka. Cherkessk, 1993.
Bezertinov R.N. Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov. Kazan', 2004.
Gumilev L. N. Drevnie tyurki. M., 2002.

- Dzhurtubaev M.Ch. Drevnie religioznye verovaniya balkartsev i karachaevtsev. Nal'chik, 1991.
- Kalmykova L. V. Obraz volka v indoevropskoj i Severo-Kavkazskoj traditsii // Severnyj Kavkaz: geopolitika, istoriya, kul'tura: mat. Vseros. nauch. konf. M.; Stavropol', 2001. Ch. 2.
- Karaketov M. D. Mif i funkcionirovanie religioznogo kul'ta v zagovorno-zaklinatel'nom ritual'e karachaevtsev i balkartsev. M., 2000.
- Karaketov M.D. Iz traditsionnoj obryadovo-kul'tovoj zhizni karachaevtsev. M., 1995.
- Karpov Yu. Yu. Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzy sotsiokul'turnoj traditsii gortsev Kavkaza. SPb., 1996.
- Malinovskij B. Magiya, nauka i religiya. M., 1998.
- Narty: geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev. M., 1994.
- Pletneva S. A. Khazary. M., 1986.
- Sovetskaya tyurkologiya. 1978. № 6.
- Tokarev S.A. Rannie formy religij. Moskva, 1990.
- Khangalov M. N., Zaete A. Oblava na zverej drevnikh buryat // Khangalov D. N. Sobr. soch. Ulan-Ude, 1958. T. 1.
- Frazer J.G Totemism and Exogamy. London, 1910.